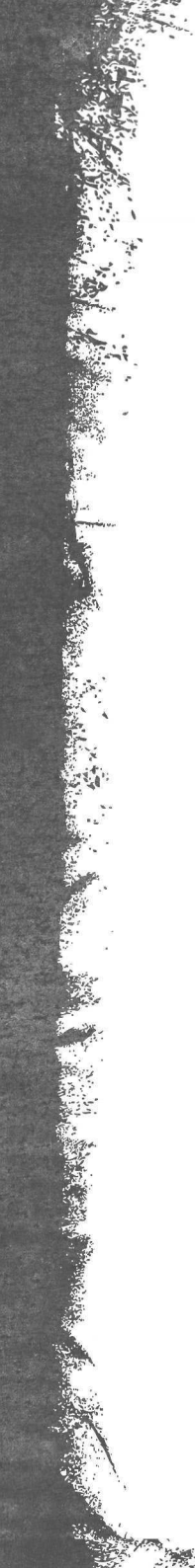

СУПЕРЧЕРНЫЙ
ТРИЛЛЕР

ШКОЛА БЕЗУМИЯ

ЭЙВЕРИ БИШОП

Москва
2022

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б67

Avery Bishop

GIRL GONE MAD

Text copyright © 2020 by Avery Bishop. All rights reserved.
This edition is made possible under a license arrangement originating
with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration
with Synopsis Literary Agency

В коллаже на обложке и суперобложке использованы фотографии:
Dean Drobot, railway fx, kikeillanes / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Бишоп, Эйвери.

Б67 Школа безумия / Эйвери Бишоп ; [перевод с английского
А. В. Бушуева, Т. С. Бушуевой]. — Москва : Эксмо,
2022. — 416 с. — (Супер черный триллер).

ISBN 978-5-04-162747-8

Эмили Беннет — психотерапевт. Помогает детям и подросткам преодолеть пережитое насилие. Для нее это своего рода искупление: в школе она была одной из «гарпий».

Так называли себя шесть популярных девчонок в поиске не самых невинных развлечений. Тихая новенькая из бедной семьи, Грейс Фармер, стала для них идеальной жертвой. Дело закончилось жуткими издевательствами, сломавшими Грейс жизнь. И невероятным скандалом. Мучительницы поклялись никогда не вспоминать об этом. А вскоре их пути разошлись.

Спустя четырнадцать лет Эмили Беннет получает шокирующее сообщение: умерла одна из «гарпий», Оливия. Покончила с собой, пообщавшись с женщиной, которую называла Призраком. Именно такой презрительной кличкой они наградили Грейс в школе. А вскоре кончает с собой и вторая «гарпия» — Дестини...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Бушуев А.В., Бушуева Т.С.,
перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-162747-8

*Посвящается всем, кого травили.
Всем, кто дал отпор обидчикам.
Эта книга — вам.*

От палки или камня тело заболит,
а слово не заденет и мимо пролетит.

Детский стишок

Она еще долго кричала, после того как они ее бросили — вкладывая в крик все свои силы, все, что у нее было, — но это не помогло. Ведь как можно кричать, когда вам в рот затихнули полотенце и обмотали его вокруг головы. У полотенца был затхлый привкус, как будто оно пролежало в ящике комода целый год. Она представила себе, как Маккензи, Элиза или кто-то еще из девочек нашли его в бунгало и засунули в ярко-розовый рюкзак. Вместе с веревками, которыми она теперь была привязана к дереву.

Она отчаянно пыталась освободиться от пут, но девочки связали ее крепко, чтобы не дать сдвинуться с места. Одна веревка была крепко затянута у нее под грудью. Другая — туго давила на голые бедра, больно впинаясь в мягкую бледную кожу.

Слезы прекратились, но лицо все еще было мокрым и зябло в весеннем ночном воздухе. Болел затылок — в том месте, где она ударилась им о дерево. Она знала, что разбила его до крови, потому что волосы уже слиплись коркой.

Сколько бы раз она ни билась головой о дерево, сколько бы ни плакала, девочки не знали жалости. Осыпали ее оскорблениями. Хохотали над ней. Даже плевали в нее.

Она на миг умолкла и прислушалась. Помимо звуков леса — стрекота насекомых и уханья далекой совы, —

вокруг царила тишина. Даже приглушенные шаги девочек по тропинке, ведущей к домику, стихли.

До полуночи оставался еще час, и она понятия не имела, как долго они продержат ее здесь. Маккензи, конечно же, не сказала, как и остальные девочки. И поскольку ей не оставалось ничего другого — и горло еще не осипло, — она сделала единственное, на что была способна.

Она закричала.

ЧАСТЬ I

Призрак

1

Девочка наносила себе порезы.

Скорее всего, ножом — для резки овощей или для стейка, украденным из кухни, когда родителей не было рядом, — или, может быть, использовала ножницы, которые уже были спрятаны в спальне: раздвигала и впиалась кончиком одного из лезвий в кожу.

Мы еще дойдем до этого.

Сегодня был первый сеанс с этой девочкой. Точнее, первый прием. У меня имелось лишь направление, присланное из психиатрической клиники, где она находилась восемь дней. Информации в нем было мало.

Имя: Хлоя Киттерман. Возраст: тринадцать лет. Причина госпитализации: из-за суицидальных намерений порезала себе запястья. Рекомендация после лечения: продолжить медикаментозное лечение, начать амбулаторное наблюдение.

Именно это привело сегодня ко мне в кабинет Хлою и ее мать.

Но даже и без выписки из истории болезни нетрудно было предположить, что Хлоя имела склонность ранить себя. Это было видно по ней. Худая и миниатюрная. Длинные рыжие волосы. На лице россыпь веснушек. Выкрашенные в черный цвет ногти. Но ничто из этого еще не говорило о ее склонности к нанесению себе резаных ран.

Дело было в одежде. Она сидела на черном кожаном диване рядом с матерью, уставившись в свой телефон. В выцветших джинсах с заниженной талией, кроссовках и серой толстовке марки «Холлистер» с капюшоном.

Был конец апреля, и температура на улице поднялась выше восьмидесяти градусов по Фаренгейту¹. Слишком жарко для толстовки. Она пыталась скрыть порезы на руках.

Ее мать, миссис Киттерман, похоже, довела до совершенства свою роль статусной жены. Ей явно было хорошо за сорок, но выглядела она намного моложе. Лицо гладкое и свежее, без единой морщинки. Песочно-каштановые волосы идеально уложены. Либо она почти ничего не ела, либо каждый день занималась фитнесом, вероятно, с дополнительным сеансом йоги. Бриллиант на ее пальце был таким огромным, что я удивилась, как ей удается поднимать руку без посторонней помощи. Вероятно, ее муж получал внушительное шестизначное жалование. Одетая она была так, будто купила всю свою одежду в «Нейман Маркус»²: хлопковые брюки, классические сандалии на платформе, хлопковая рубашка от «Хенли» — один только ее гардероб сегодня наверняка стоил больше, чем я зарабатываю за неделю, и это не считая кожаной сумки от «Эрме», которую она поставила между собой и дочерью.

Женщина не закрывала рта с того момента, как они вошли в мой кабинет. Она сказала, что все это для них в новинку. Сказала, что никто в ее семье раньше не нуждался в помощи психотерапевта. Должна ли ее дочь лежать на кушетке и рассказывать мне о своих чувствах, как это показывают по телевизору?

---

¹ 80 градусов по Фаренгейту — 26,7 градуса по Цельсию.

² «Нейман Маркус» — американская сеть люксовых универмагов.

Она продолжала бесконечно сетовать на то, сколь ужасна сейчас жизнь из-за депрессии ее дочери, а Хлоя тем временем тихонько сидела рядом с ней. Ее взгляд был прикован к экрану телефона.

В какой-то момент миссис Киттерман остановилась на полуслове, как будто внезапно осознав, где она и кому сообщает столь личную информацию. Она обвела глазами тесную комнату — стены в основном голые, лишь несколько мотивационных плакатов в рамках, — а затем посмотрела на дочь. Заметив телефон, тяжело вздохнула.

— Хлоя, кажется, я сказала тебе убрать его.

Хлоя не ответила, продолжая таращиться в гаджет. Ее большие пальцы перемещались по экрану в странной стремительной хореографии, доступной только подросткам.

— Хлоя, не заставляй меня повторять.

Секунда прошла без ответа. Затем Хлоя тяжело вздохнула, резко положила телефон на подлокотник дивана и скрестила на груди руки.

Миссис Киттерман посмотрела на дочь, покачала головой и, закатив глаза, посмотрела на меня.

— Я совершенно серьезно. Понятия не имею, что происходит с этим ребенком. Ее просто... не узнать. Раньше она была веселая. Раньше я могла с ней разговаривать. Теперь же я получаю от нее только грубость.

Мой сотовый, лежавший на столе, завибрировал и пару раз коротко пискнул, сообщая, что пришло сообщение. Не обращая на него внимания, я кивнула миссис Киттерман, чтобы она продолжала.

Она нахмурилась.

— Вы моложе, чем я ожидала.

— Мне двадцать восемь.

— Значит, вы занимаетесь этим недавно.

Ее тон предполагал, что для работы с ее дочерью мне не хватает опыта. Что в некотором роде так и было. Я работала психотерапевтом всего четыре года. Некоторые из моих коллег по центру психологического здоровья «Тихая гавань» проработали здесь уже несколько десятилетий.

— Если вы хотите, чтобы Хлоя посещала другого терапевта, я, безусловно, могу передать ее. Однако, насколько я понимаю, вы обратились именно ко мне.

Ее идеальной формы нос сморщился.

— Не то чтобы конкретно к вам... В общем, да, вас рекомендовал терапевт в стационаре. Она тоже молоденькая, и ей казалось, что Хлоя сможет открыться кому-то, кто не настолько... старый.

Она сказала это пренебрежительно, как будто не могла понять, почему ее дочь не сможет найти общий язык с кем-то втрое старше ее.

Я заставила себя улыбнуться.

— Опять же, если вы хотите, чтобы Хлоя посещала сеансы у кого-то еще, я могу выписать ей направление.

— Нет, в этом нет необходимости. Просто... — Она умолкла, заметив на моем пальце кольцо. — Вы замужем?

— Помолвлена.

Сказав это, я посмотрела на свою руку. Мой бриллиант был намного меньше, чем у миссис Киттерман.

— Значит, у вас нет детей.

Она сказала это почти осуждающе, как будто ждала, что у меня их должно быть, по крайней мере, двое, под опекой няни-иммигрантки.

Я подтвердила, что детей у меня нет.

— Тогда как... — Она замахала руками, словно надеясь поймать в воздухе нужное слово. — Как вы собираетесь помочь моей дочери?

— Миссис Киттерман, с тех пор как я окончила колледж, я работала со многими девушками того же возраста, что и Хлоя.

— И вы им всем помогли?

— Нет.

Казалось, она вздрогнула от резкости моего честного ответа.

— Нет? Тогда зачем моей дочери тратить время на то, чтобы посещать вас?

Она вела себя агрессивно, что было вполне предсказуемо. Для нее это внове. Она была напугана и не знала, что будет дальше. Я не винила ее.

— Миссис Киттерман, вы должны понять: терапия — это не точная наука. Помимо меня и вашей дочери, здесь задействовано множество других факторов. Это вы и ваш муж, все ученики в школе Хлои и любые друзья, какие у нее могут быть вне школы. Я не могу обещать, что мы немедленно найдем с ней общий язык, и любой терапевт, который вам такое пообещает, не тот, кого бы я порекомендовала.

Женщина в упор посмотрела на меня, явно озадаченная моим ответом. Возможно, она ожидала, что я буду более раболепной, раз уж мне за это платят.

Мой телефон завибрировал снова: пришло еще одно текстовое сообщение. Я вновь проигнорировала его и сосредоточила все свое внимание на матери Хлои.

— Миссис Киттерман, считаю своим долгом заранее вас предупредить: моя роль здесь не в том, чтобы работать *на* вас или вашу дочь. Моя роль — работать *с* вашей дочерью. Вам понятна разница?

Она кивнула. Это был легкий, едва заметный кивок, и тем не менее.

— Это наш первый сеанс, — сказала я. — Фактически это даже не сеанс — первичный прием. Я слушаю и со-

бираю информацию. Если вы хотите, чтобы Хлоя посетила меня, то сообщаю заранее: я обычно встречаюсь с пациентами только один на один.

Мои слова явно ее шокировали, но затем она покачала головой.

— Это все в новинку для нас. Я еще ни разу не видела никого, кому нужен психотерапевт, не говоря уже о собственной дочери.

А потом она снова заговорила о том, что не может поверить, что это происходит с ее семьей.

— Она сейчас принимает лекарства. Моя дочь принимает мозгоправные лекарства. Врачи говорят, что у нее депрессия. Я просто не понимаю. Откуда?

Обычно я имею дело с тремя группами родителей.

Теми, кто понимает, что что-то не так, и хочет сделать все возможное, чтобы помочь своему ребенку.

Теми, кому наплевать, что что-то не так, и кто не собирается прилагать никаких усилий, чтобы помочь своему ребенку.

И теми, кто отрицает, что что-то может быть не так. Их ребенок теперь стал неудобством. И в девяти случаях из десяти причиной проблемы является что-то дома. Нечто такое, о чем родители не хотят говорить, из-за чего лечение длится намного дольше, чем нужно.

Миссис Киттерман из этой последней группы. У Хлои кризис — Господи, ведь она порезала себе запястья! — но матери казалось, будто вся ее жизнь перевернулась.

Мой телефон завибрировал снова. На этот раз вместо того чтобы проигнорировать его, я протянула руку и нажала кнопку, чтобы его выключить.

И вновь заставила себя улыбнуться миссис Киттерман:

— Не будете возражать, если мы с Хлоей поговорим наедине?